

Научная статья
УДК 78.078
DOI: 10.26086/NK.2025.78.3.002

Музыкальная культура в архивных документах времен Великой Отечественной войны

Науменко Татьяна Ивановна

Российская академия музыки имени Гнесиных,
Москва, Россия

E-mail: t.naumenko@gnesin-academy.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0286-2339>

Аннотация. Статья посвящена обзору архивных документов времен Великой Отечественной войны, раскрывающих деятельность Всесоюзного комитета по делам искусств (ВКДИ) и его председателя Михаила Борисовича Храпченко по поддержке творчества музыкантов — композиторов, музыковедов, исполнителей. Изучение материалов было обусловлено работой над фундаментальной монографией в рамках серии «Наркомы Великой Победы» — «Всесоюзный комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. 1941–1945». На основе изучения многочисленных документальных источников освещаются такие страницы музыкальной военной летописи, как перестройка на военный лад художественного репертуара: создание сотен массовых песен, проведение многочисленных конкурсов и творческих совещаний по проблемам песни. Упоминания заслуживают и такие факты, как открытие в военные годы новых музыкальных учебных заведений и художественных коллективов, создание фронтовых концертных бригад и перечисление средств в Фонд обороны. Отдельный блок документов раскрывает подробности конкурса на создание Гимна СССР, а также работу Комитета по Сталинским премиям. Основной источниковой базой исследования стали фонды Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и др. Немаловажную роль в характеристике исследуемых событий играют также дневниковые записи Храпченко, содержащие уникальные и ранее не обнародованные сведения.

Ключевые слова: Всесоюзный комитет по делам искусств, Михаил Борисович Храпченко, советские композиторы, массовая песня, симфоническая музыка, концертная бригада, Сталинская премия, Гимн СССР

Благодарности: Автор выражает благодарность Яне Александровне Гурецкой, главному специалисту Центра современных технологий в области науки, образования и педагогики, преподавателю кафедры теории музыки Российской академии музыки имени Гнесиных, за помощь в работе с архивными материалами РГАЛИ в период написания монографии «Всесоюзный комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. 1941–1945». Также хотелось бы выразить искреннюю признательность членам семьи руководителя Комитета М. Б. Храпченко — его внукам Татьяне Валерьевне и Марине Валерьевне Храпченко, предоставившим важные сведения, дневниковые записи и другие ценные материалы из семейного архива

Для цитирования: Науменко Т. И. Музыкальная культура в архивных документах времен Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2025. № 3(78). С. 4–14. <http://doi.org/10.26086/NK.2025.78.3.002>

Original article

Musical culture in archival documents from the times of The Great Patriotic War

Naumenko Tatiana I.

Gnesin Russian Academy of Music, Moscow, Russia

E-mail: t.naumenko@gnesin-academy.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0286-2339>

Abstract. The article is devoted to a review of archival documents from the Great Patriotic War, which characterize the activities of the All-Union Committee for Arts (VKDI) and its head Mikhail Borisovich Khrapchenko in supporting the work of musicians — composers, musicologists, performers. Their study was due to the work on a fundamental monograph in the framework of the series “People’s Commissars of the Great Victory” — “All-Union Committee for Arts under the Council of People’s Commissars of the USSR. 1941–1945”. Based on the study of numerous documentary sources, such pages of the musical war chronicle are covered as the restructuring of the artistic repertoire for the war years: the creation of hundreds of mass songs, the holding of numerous competitions and creative conferences on song problems. Such facts as the opening of new music schools and art groups during the war years, the creation of front-line concert brigades and the transfer of funds to the Defense Fund also deserve mention. A separate block of documents contains details of the competition to create the USSR Anthem, as well as the work of the Stalin Prize Committee. The source base for the research was the collections of the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), the State Archive of the Russian Federation (GARF), and others. Khrapchenko’s diary entries, containing unique and previously unpublished information, play an important role in characterizing the events under study.

Keywords: All-Union Committee for Arts, Mikhail Borisovich Khrapchenko, Soviet composers, mass song, symphonic music, concert brigade, Stalin Prize, USSR Anthem

Acknowledgments: The author thanks Yana A. Guretskaya, chief specialist of the Center for Modern Technologies in Science, Education and Pedagogy, lecturer in the Department of Music Theory at the Gnesin Russian Academy of Music, for her assistance in working with archival materials during the writing of the monograph “All-Union Committee for Arts under the Council of People’s Commissars of the Soviet Union. 1941–1945”. I would also like to express my sincere gratitude to the family members of the head of the Committee, M. B. Khrapchenko — his granddaughters Tatyana V. and Marina V. Khrapchenko, who provided important information, diary entries and other valuable materials from the family archive

For citation: Naumenko T. I. Musical culture in archival documents from the times of The Great Patriotic War. Aktualnye problemy vysshego muzykalnogo obrazovaniya = Actual problems of high musical education. 2025; 3(78); 4–14 (In Russ.). <http://doi.org/10.26086/NK.2025.78.3.002>

Материалы, связанные с изучением музыкальной культуры в годы Великой Отечественной войны, были обнаружены в ходе работы над монографией «Всесоюзный комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. 1941–1945» в рамках многотомной серии «Наркомы Великой Победы» [1]. Это масштабное документальное издание, приуроченное к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, ставит задачу обнародовать малоизвестные страницы отечественной военной истории, подчеркнуть огромную роль народных комиссариатов и их руководителей в деле Победы. Особую тему образует изучение того, как государственное управление в годы войны способствовало поддержке музыкального искусства, а также его деятелей — композиторов, музыковедов, исполнителей.

Российская академия музыки имени Гнесиных приняла на себя задачу изучить работу ВКДИ и его руководителя — молодого литературоведа М. Б. Храпченко (1904–1986), назначенного на эту должность в апреле и утвержденного в декабре 1939 года. Поиск и анализ архивных документов позволил обнаружить некоторые данные, до сих пор остающиеся на периферии музыкально-исторических исследований. В их числе — сведения о мероприятиях, инициированных в рамках государственной политики военного времени: работа над созданием массовой песни; деятельность Комитета по Сталинским премиям¹ и Комиссии по созданию государственного Гимна СССР²; факты биографического характера, дополняющие сложившиеся представления о жизни и творчестве музыкантов в годы войны³; сведения об эвакуации учреждений и деятелей искусства⁴ и т. д. Также нашли документальное подтверждение такие факты, как проведение декад музыкального искусства⁵; открытие новых музыкальных учебных заведений и создание творческих коллективов⁶; общественные обсуждения ряда перечисленных событий⁷. Одним из вновь открывшихся обстоятельств стало, безусловно, представление о личности Храпченко и его беспрецедентно огромном влиянии на все, что в период его руководства ВКДИ определяло характер художественной жизни страны.

Военный период биографии Храпченко оказался чрезвычайно впечатляющим не только масштабом многообразной деятельности, включающей курирование всех областей искусства, но также целенаправленной заботой о многих музыкантах, известных и неизвестных, без которой, возможно, их творчество не оказалось бы таким ярким и продуктивным. Вероятно, особое внимание к музыкантам было в какой-то мере обусловлено личными обстоятельствами: в начале 1930-х годов Храпченко познакомился и создал семью с Тамарой Эрастовной Цытович (1907–1992), музыковедом, выпускницей Ленинградской консерватории. Впоследствии, с января 1963 года, Тамара Эрастовна возглавляла кафедру истории зарубежной

музыки Московской консерватории. Один из друзей семьи академик Н. И. Балашов утверждает, что именно благодаря ей Михаил Борисович пришел к пониманию музыки современных композиторов — Шостаковича, немного позднее Прокофьева, с которыми лично познакомился в годы работы в ВКДИ [4, с. 1124].

Материалы, послужившие источниковой базой исследования, образуют несколько групп. Одна из них представлена корпусом материалов периодической печати — прежде всего, газет «Советское искусство» (с 1939 по 1941 и с 1944 по 1953) и «Литература и искусство» (1942–1943)⁸: в них раскрывается хроника художественной жизни военного времени. Другая группа — это протоколы и стенограммы всевозможных обсуждений и совещаний, справки, приказы, директивные письма, телеграммы и телефонограммы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Эта группа представляет официальную деятельность ВКДИ и его председателя. Часть исследуемых документов опубликована в сборниках архивных материалов времен Великой Отечественной войны⁹. Небольшая группа источников состоит из документов личного характера: в их числе мемуары, заметки, дневниковые записи и переписка.

В настоящей статье из общего корпуса документальных материалов выделена та часть, которая соотносится непосредственно с областью музыкального творчества в годы Великой Отечественной войны. В их числе — документы, связанные с перестройкой музыкального репертуара, работой в Комитете по Сталинским премиям и в Комиссии по созданию Гимна СССР. Помимо этого, упоминаются факты и свидетельства более частного характера, раскрывающие некоторые аспекты взаимоотношений с выдающимися представителями музыкального искусства: в их числе Б. В. Асафьев, С. С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович.

Исторические и архивные документы, в том числе опубликованные в специальных сборниках, указаны в постраничных сносках; список литературы приводится в конце статьи.

Перестройка музыкального репертуара

О деятельности ВКДИ в первые дни Великой Отечественной войны написано немного. Это особенно актуализирует изучение архивных документов и материалов, позволяющих не только восстановить хроника событий, но и устранить некоторые неточности, встречающиеся в более поздних публикациях.

Одним из наиболее ярких фактов можно считать незамедлительную, почти мгновенную реакцию Храпченко на события 22 июня 1941 года. Так, Г. А. Скороходов утверждает, что уже 23 июня 1941 года «в Доме звукозаписи некуда было ступить. Композиторы пришли. А там всего три рояля. Оче-

редь стояла к роялям. Поэты писали стихи на подоконнике, на коленях. Но все время писали и работали. И к концу дня уже появились первые песни» [5]. Однако действия руководителя ВКДИ оказались еще более стремительными: работа над фронтовым репертуаром развернулась уже непосредственно 22 июня. В этот день композиторы собрались в кабинете Храпченко, откуда отправились в Дом композиторов и немедленно приступили к сочинению новых песен¹⁰. «Дом композиторов превратился в своеобразный творческий конвейер, — писал очевидец. — В одних комнатах зачитывались и раздавались новые песни, в других шло обсуждение песен, в читальном зале разместились группа переписчиков, в помещении издательства оркестротек песни размножались на стеклографе»¹¹. Именно с песни началась перестройка художественного репертуара на военный лад. Издательства, находящиеся в ведении ВКДИ, — Музгиз, «Искусство» — получили распоряжение приступить к публикации новых произведений. Уже через неделю после начала войны были выпущены новые военные песни М. Блантера, Р. Глиэра, Д. Кабалевского, В. Мурадели, Ю. Хайта и других композиторов¹².

Утром 24 июня Храпченко направил телефонограмму в музыкальные и театральные учреждения Москвы. С этого документа началась работа по формированию концертных бригад¹³. Немного позже (в начале декабря 1941 года) ВКДИ инициировал сбор средств на постройку противотанковой эскадрильи самолетов «Советский артист»¹⁴, а в мае 1943 разослал призыв к восстановлению театров в освобожденных городах¹⁵. Инициативы были поддержаны музыкантами всей страны: сбор средств на строительство самолетов и танков объявили Большой театр, Ленинградский академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова, Куйбышевский театр оперы, балета и музкомедии, Свердловский театр музыкальной комедии, музыкальный театр Ростова-на-Дону, Джаз-оркестр под руководством Л. О. Утесова...

В ряде документов содержатся сведения о многочисленных конкурсах на создание массовой песни, которые проходили на протяжении всех военных лет во многих городах страны, а также о совещаниях композиторов и поэтов-песенников. Осенью 1941 года конкурсы на лучшую песню почти одновременно были объявлены московским и ленинградским Союзами композиторов (СК). Работа московского СК продолжилась на Урале, после эвакуации в Свердловск (июль 1941): в многочисленных заседаниях принимали участие видные советские композиторы — в их числе Р. Глиэр, Д. Кабалевский, В. Шебалин, И. Дунаевский, А. Хачатурян, Т. Хренников, В. Мурадели, А. Новиков и многие другие [6, с. 35].

В ленинградском Союзе композиторов, несмотря на отсутствие отопления и освещения, а также

участившиеся обстрелы, прослушивания проходили вплоть до ноября 1941 года: последняя запись в архиве Б. В. Асафьева, возглавившего жюри по отбору песен и маршей для духового и симфонического оркестра, датирована 7 ноября. Музыканты работали на пределе сил, многие на почве истощения стали сильно слабеть и передвигались с большим трудом. Несмотря на это, уровень требований оставался неизменно высоким. Необычайно мужественной была деятельность самого Асафьева. Как следует из его черновых записей, в общей сложности было прослушано 150 песен и 40 маршей¹⁶. В личном фонде Асафьева в РГАЛИ также хранится документ под названием «Творческий отчет о работе за месяцы Отечественной войны». Этот документ предназначался для отправки председателю ВКДИ: в нем содержался список работ с весны 1941 до января 1943 года. В двух школьных тетрадках перечисляются такие произведения, как аранжировка хоров из оперы «Минин и Пожарский», инструментовка оперы «Славянская красавица», третья симфония «Родина» (памяти 1812 года), сюита для духового оркестра «Суворов», вокальный цикл «Город» об осажденном Ленинграде, серия оборонных песен на стихи А. А. Прокофьева, а также на тексты, присланные бойцами с фронта, и многие другие. Впоследствии в Институте истории искусств Асафьев прочитал доклад, в котором рассказал об обстоятельствах, на фоне которых протекала эта работа, о почти полной потере сил и о спасительной телеграмме из ВКДИ, благодаря которой его поместили в Свердловскую больницу Ленинграда¹⁷. В числе оборонных песен, о которых упоминает Асафьев, — «Песня Энской дивизии», «Вперед, Балтийский флот», «Песня о снайперах», «Песня о Ленинграде». Его ученик А. Н. Дмитриев, доцент Ленинградской консерватории и дирижер фронтового ансамбля, разучивал эти песни с бойцами и передавал от них слова поддержки и благодарности своему наставнику [7, с. 159–160].

В архивных фондах сохранились материалы и о конкурсе 1943 года на лучшую комсомольскую песню¹⁸. Председателем жюри был назначен Д. Д. Шостакович. По условиям конкурса нужны были песни о героях-комсомольцах, однако в финал вышли совсем другие песни, в числе которых — «Сирень цветет» (музыка С. Каца, стихи А. Суркова), «Две подруги» (музыка И. Дунаевского, стихи О. Фадеевой), «Полюбила я парнишку» (музыка М. Блантера, стихи М. Исаковского), «В лесу прифронтовом» (музыка М. Блантера, стихи М. Исаковского) и др. Это показало, что к 1943 году на первый план вышел запрос на песенную лирику.

В сентябре 1944 года в Союзе советских писателей состоялось обсуждение песен будущей победы¹⁹. Почти все присутствующие отмечали упадок песенного творчества, пришедший на смену творческому

энтузиазму первого периода войны. Поэт А. Сурков связывал этот упадок с тем, что ВКДИ уделяет значительно большее внимание не песне, а монументальным симфоническим произведениям. «Я прошу только об одном, — сказал поэт, — ежели заботиться о музыкальном вкусе народа, надо вопросами песни заниматься с такой же заботливостью, с такой же душевной чуткостью, как и монументальными формами музыки»²⁰.

Разумеется, Сурков был не совсем прав: многочисленные документы показывают, что песня неизменно находилась в центре внимания руководства ВКДИ, уже в первые дни войны поставившего задачу создания «нового боевого, антифашистского, оборонного репертуара»²¹. В цитируемом письме песня по своей значимости была поставлена на первое место. Однако реплика об особой поддержке крупных форм довольно примечательна на фоне тех споров, какие в то время то и дело вспыхивали (в том числе на обсуждениях в Комитете по Сталинским премиям) между «песенниками» и сторонниками академического искусства.

С докладом в защиту песни выступил композитор А. Новиков, указавший на ее обусловленность запросами времени и предложивший жанровую классификацию песенного творчества военных лет. Она отражала хронику военных событий: от мобилизационных песен («Священная война») к песням проводов и прощаний («До свиданья, города и хаты», «Прощай, любимый город»); от армейского быта («Синий платочек», «Давай закурим», «Темная ночь») и партизанской борьбы («Ой туманы мои, растуманы», «Шумел сурово Брянский лес») к «лирике нового качества, лирике наступления» («Как за Камой за рекой», «Есть на севере хороший городок»)²².

Так история песни постепенно начала осознаваться как летопись войны, воплощенная в ярких и незабываемых художественных образах.

Обсуждения в Комитете по Сталинским премиям

Появление такой формы поощрения, какой стала премия за художественные достижения²³, стало продолжением еще одной формы сотрудничества ВКДИ с деятелями искусств. Неслучайно решения о награждениях принимали не высшие партийные органы, а писатели, музыканты и художники. Председателем Комитета по Сталинским премиям (далее — Комитет) стал народный артист СССР Вл. И. Немирович-Данченко, заместителями — М. А. Шолохов, Р. М. Глиэр и А. П. Довженко. Храпченко был введен в состав Комитета как руководитель главного ведомства по делам искусств.

Стенограммы заседаний раскрывают достаточно показательную картину обсуждений, из которых следует, что председатель ВКДИ с самых первых за-

седаний мог настойчиво продвигать предложения, которые впоследствии оказали влияние на судьбу многих деятелей искусства. Так, именно Храпченко внес предложение ввести в число номинаций искусствоведческие работы: без этого решения не смогли бы получить Сталинскую премию некоторые искусствоведы — в частности, Б. В. Асафьев²⁴ (дважды — 1943, 1948). Также Храпченко отстаивал и массовую песню — предложение о внесении этого жанра в список номинантов высказал Н. Д. Мордвинов. Речь шла о песнях И. О. Дунаевского: «все-таки нельзя отрицать того, что для народа в целом его творчество оказалось очень значительным и полезным. Если говорить о радости, которую композитор дал народу, то в этой радости большая доля принадлежит Дунаевскому. А забыть о радостях народа никак нельзя»²⁵.

Также Храпченко отреагировал и на обращение Л. О. Утесова — его предложение стало ответом на просьбу артиста, отправленную на имя Сталина. Утесов жаловался на неправомерное забвение самой популярной области советского искусства — эстрадной:

«Для каждого советского работника науки, литературы и искусства самой великой честью является звание Лауреата Сталинской премии... Как же обидно и тяжело огромной массе артистов советской эстрады, лишенных этого права. Эстрада исключена из видов искусства, имеющих возможность претендовать на получение Сталинской премии... Артисты советской эстрады в период Отечественной войны своей работой на фронте и в тылу доказали, что их искусство наиболее гибкое и портативное, проникает туда, куда не может проникнуть даже кинопередвижка — на передовую линию фронта, в шахту и т.д. Из 46 000 концертных мероприятий для Красной Армии и флота, данных в период войны в порядке шефства, чуть ли не 30 000 падает на работников эстрады» [8, с. 547].

Обращение было перенаправлено Храпченко, который вынес следующую резолюцию: «В решении Совета Народных Комиссаров СССР от 19 марта 1943 г. предусмотрены четыре ежегодные Сталинские премии за концертно-исполнительскую деятельность. Так как эстрада является одним из видов концертно-исполнительской деятельности, выдающиеся мастера этого вида искусства могут быть выдвинуты на соискание Сталинской премии по разделу концертно-исполнительской деятельности» [8, с. 550]. Однако в число лауреатов Сталинской премии по указанной номинации — концертно-исполнительская деятельность — деятели советской эстрады так и не вошли. Ни сам Утесов, ни другие выдающиеся участники фронтовых эстрадных бригад Сталинской премии не получили. Эстрадное ис-

кусство за весь период существования премии было отмечено наградами только в творчестве песенников — поэтов и композиторов.

Тем не менее, кандидатура Утесова обсуждалась. На заседании музыкальной секции 14 апреля 1946 года встал вопрос о награждении Утесова и Н.П. Смирнова-Сокольского по исполнительскому искусству. Это вызвало вопросы и даже споры. Однако касались они не обсуждения мастерства артистов, а правомерности рассмотрения эстрадного исполнительства наряду с академическим. В цитируемом ниже фрагменте заседания можно увидеть, как идея, несмотря на поддержку ряда членов Комитета, в итоге была отвергнута.

«т. Глиэр. <...> Утесов и Смирнов-Сокольский. Куда их отнести?

т. Пырьев. Мне странно слышать мотивировку музыкальной секции, когда так снисходительно относятся к Утесову и к его жанру. Это один из своеобразных музыкантов-исполнителей, который создал весьма любимый народом жанр сценической песни <...> Я понимаю огромное значение такого музыканта, как Кнушевицкий, квартет Глазунова, все это должно иметь свое определенное место, но нельзя просто отмахиваться от жанра веселого, приятного, занимательного... Такого человека, как Утесов, нельзя обойти.

т. Гольденвейзер. Я думаю, что эстрадный жанр имеет все права на существование, и это жанр, который меньше всего терпит посредственности. Поэтому мы поднимаем вопрос, чтобы эстрада и цирк получили бы свое место. Если будет жанр эстрады самостоятельно, то подавляющее большинство Утесова поддержит. Но нельзя сравнивать квартет Глазунова и Утесова.

т. Михоэлс. Я считаю, что, может быть, это неудачное выражение, куда нужно его отнести. Но вообще у меня цирк вызывает глубокое восхищение и чувство благодарности <...> Нам нужно ставить вопрос об эстраде и цирке.

т. Кузнецов. То есть, какая-то неточность, с одной стороны, поддерживают Блантера, с другой, пропагандиста этого рода песен, этого жанра, который стоит на одном и том же листе, мы не поддерживаем, а голосуем за Блантера. Утесов является исполнителем, это «diseur»²⁶, это виртуозный мастер. Такая категория явлений должна быть выделена. Она расширяется в сторону академического музицирования. В силу этих причин Утесова нужно сохранить.

т. Симонов Р.Н. Я хочу поддержать эстрадный жанр, потому что он требует очень большого мастерства. Утесов принадлежит к исполнителям, которых знает вся страна. Его любит народ. Любя Утесова, он проявляет хороший вкус, потому что у Утесова есть

большая музыкальная культура в мировом масштабе <...>.

т. Храпченко. В работе комитета получилось так, что в первый год были выставлены крупные мастера, в прошлом году квартеты камерные, а до эстрады мы не дошли, вокал был перенесен в оперное искусство.

т. Эрмлер. Я бы категорически высказался против того, чтобы испрашивать еще одну премию на эстраду и на цирк. Если бы мы получили премию на эстраду, это значило бы, что ежегодно мы должны были выставлять на премирование 10 таких кандидатур. Абсолютно прав т. Гольденвейзер, что наша эстрада далека от того блеска, который имеется на западе. Было бы справедливее, если бы в разделе исполнительском, если бы мы находили нужным, мы бы кого-нибудь премировали из работников эстрады.

т. Храпченко. Куда же отнести Русланову, Редель, Хрусталева?

т. Фадеев. Танцы можно отнести к балету. Опасно возбуждать вопрос относительно эстрады <...>²⁷.

Значительный интерес представляют документы, связанные с обсуждением некоторых произведений Д.Д. Шостаковича (лауреат премии 1941, 1942, 1946, 1950, 1952). В докладе на общем собрании работников искусства г. Куйбышева, состоявшемся 2 февраля 1942 года, Храпченко впервые, еще до премьеры, которая готовилась 5 марта, заговорил о Седьмой симфонии. Он сказал о ней как о «замечательном, поистине выдающемся произведении широко известного и любимого всеми нами композитора Шостаковича. Седьмая симфония войдет в историю советского искусства и мирового искусства как замечательный документ эпохи, как произведение, которое наполнено нашей советской жизнью и нашей борьбой...»²⁸.

Предварительное заседание Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства состоялось в Куйбышеве также еще до премьеры, в феврале 1942 года. Шостакович сыграл Седьмую симфонию на рояле в присутствии нескольких членов Комитета, в числе которых были А.Н. Толстой, Р.М. Глиэр, Б.Э. Хайкин и М.Б. Храпченко. Окончательное выдвижение Симфонии состоялось 19 февраля 1942 года в Тбилиси, где в то время находился Немирович-Данченко. На секционном заседании она прошла единогласно практически без дискуссии.

19 февраля 1942 г., утреннее заседание.

«Немирович-Данченко: Шостакович. 7-я симфония. Есть какие-нибудь замечания?

Храпченко: По-моему, можно не обсуждать ввиду полной ясности.

Чиаурели: Такие восторженные отзывы были об этой симфонии, что никаких сомнений не может быть»²⁹.

Несколько иначе о Седьмой симфонии говорили на обсуждении в Кремле 10 апреля 1942 года. Об этом свидетельствуют дневниковые записи Храпченко, хранящиеся в семейном архиве. Кроме Сталина, в обсуждении участвовали Г.М. Маленков, А.А. Андреев, В.М. Молотов, А.С. Щербаков и некоторые другие.

Докладывал Щербаков. Седьмая симфония Шостаковича вызвала реплику: «Это то самое произведение, которое нас в прошлом году вынуждали премировать»? Щербаков ответил, что это новое произведение, добавив: «Его перехвалили, но это крупное произведение».

Показательно, что слово «перехвалили» ранее прозвучало на секционном заседании Комитета по Сталинским премиям, однако не в адрес Шостаковича, а в адрес оперы И.И. Дзержинского «Кровь народа». Ю.А. Шапорин тогда сказал: «В отношении этой оперы можно сказать то же самое, что говорил Вл.Ив. Немирович-Данченко в отношении Корнейчука, — беда, что его захвалили».

Следует отметить, что присуждение Сталинской премии Шостаковичу в правительстве, в отличие от Комитета по Сталинским премиям, каждый раз встречало довольно прохладное отношение. Тексты стенограмм и дневниковых записей Храпченко показывают, что многих представителей власти Шостакович заметно раздражал. Это видно и по записи, сделанной в 1944 году, когда обсуждались Восьмая симфония и Трио № 2. Премию получило только Трио, однако на кремлевском заседании и на этот раз не обошлось без разногласий. Фиксируя в дневнике некоторые существенные моменты обсуждения, Храпченко ссылается на особое мнение Л.П. Берия, предложившего вообще снять вопрос с обсуждения: «Некоторые тт. получают премии из года в год. Вот по искусству — каждый год Шостакович, Хачатурян — Хачатурян, Шостакович». Обсуждение было отложено, а решение о премировании Трио в Кремле было принято только на повторном заседании.

Еще одна страница деятельности председателя Комитета связана с творчеством С.С. Прокофьева (премия 1943, 1946 — трижды, 1947, 1951). Принято считать, что отношение Храпченко вредило Прокофьеву: во всяком случае, в литературе чаще других упоминаются выступления Храпченко на заседаниях Комитета по Сталинским премиям в 1941 и 1942 годах, где он занимал критическую позицию. С.А. Петухова рисует более полную картину: в 1941 и 1942 годах Храпченко, действительно, выступил против присуждения Прокофьеву премий за балет «Ромео и Джульетта» и Второй струнный квартет; а «в 1943 г. наконец-то проголосовал за Седьмую фортепианную сонату (премия II-й степени), в 1946 г. за балет “Золушка”, Пятую симфонию, Восьмую фортепианную сонату и музыку к первой серии

фильма “Иван Грозный”, в 1947 г. — за Первую сонату для скрипки и фортепиано (все полученные премии — I-й степени)» [9, с. 149]. (Автор не указывает и позицию по отношению к опере «Семен Котко», выдвинутой на премию Н.Я. Мясковским, однако сути это не меняет.) То есть, с 1943 года поддержка Храпченко была безоговорочной по отношению ко всем прокофьевским сочинениям.

Показательный материал обнаружен в архивных документах, содержащих стенограммы обсуждений музыкальных сочинений других композиторов. При выдвижении на Сталинскую премию во главе угла стояли музыкальные жанры: опера, симфония, кантата и т.д. В некоторых случаях учитывалось качество постановок: так, опера «Емельян Пугачев» М.В. Ковалю, балет «Гаянэ» А.И. Хачатуряна были удостоены Сталинской премии первой степени (1943) благодаря спектаклям Ленинградского театра оперы и балета имени С.М. Кирова³⁰, находившимся в тот период в эвакуации в г. Молотове (ныне Пермь). Кроме этого, поддержку получали композиторы из советских республик, представившие первые национальные сочинения крупных форм. Например, Сталинской премии второй степени (1943) была удостоена «Героическая» симфония узбекского композитора М.А. Ашрафи. В целом такой подход сохранялся на протяжении всего периода существования премии, хотя обсуждения никогда не были единодушными:

«С.М. Михозлс: <...> Могу сказать, что из среднеазиатских композиторов и их творчества это выдающееся произведение. Но как оно будет конкурировать с другими произведениями — сказать трудно.

С.Д. Меркуров: Если вы возьмете Шостаковича как композитора по РСФСР и отметите баллом 12 его произведение, то каким баллом вы отметите это произведение?..

С.М. Михозлс: Мне трудно ставить баллы... Вообще трудно ставить что-либо рядом с Шостаковичем. Шостакович — это явление исключительное. Но мое суждение — оспаривать вторую премию он (Ашрафи — Т.Н.) может.

Ю.А. Шапорин: Когда я слушал эту симфонию, я вспомнил письмо Танеева к Чайковскому о впечатлении о симфонии Глазунова. Он писал: “Как симфония, это не очень. Но как произведение 17-летнего юноши, это значительно. То же самое можно сказать об Ашрафи. Как симфония — она уступает многим. Но как первое произведение узбекского музыкального искусства — она заслуживает того, чтобы оспаривать вторую премию”»³¹.

Начиная с 1943 года музыканты — члены Комитета по Сталинским премиям — направлялись в союзные республики для просмотров и прослушиваний

вновь создаваемых произведений. Это привело к заметному увеличению числа лауреатов из национальных республик, однако в большинстве случаев им присуждалась Сталинская премия второй степени.

Материалы конкурса на Гимн СССР

Работа над Государственным гимном СССР, зафиксированная во множестве мемуарных и документальных свидетельств, положила начало фонду 962 РГАЛИ, в настоящее время объединенного названием «Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР». Выделение комплекса документов в специальный фонд было прямым распоряжением Храпченко, сумевшим еще в годы войны упорядочить архивные дела вверенного ему ведомства. Возможно, этим обстоятельством обусловлено довольно большое число опубликованных материалов, относящихся к одному из самых значительных и ярких событий военного времени³². В них приводится обширный корпус документальных и мемуарных свидетельств о ходе работы над Гимном. Опубликованы «Воспоминания» адъютанта К. Е. Ворошилова полковника Л. М. Китаева, «Записки» Г. А. Эль-Регистана, переписка, приказы и постановления, хранящиеся в фондах Российского государственного архива политической истории (РГАСПИ) и РГАЛИ.

Работа над гимном была начата в середине 1942 года. 18 июня при участии Храпченко прошло совещание с поэтами и композиторами. Были приглашены многие поэты и композиторы, в числе которых — Демьян Бедный, В. И. Лебедев-Кумач, М. И. Блантер, Р. М. Глиэр, И. И. Дзержинский, И. О. Дунаевский, Д. Б. Кабалевский, В. И. Мурадели, А. И. Хачатурян, Т. Н. Хренников, Ю. А. Шапорин, В. Я. Шебалин, Д. Д. Шостакович. На создание нового гимна был запланирован трехмесячный срок, который поэтам и композиторам было предложено разделить пополам — по полтора месяца (хотя не запрещалась и параллельная работа).

На совещании поэты и композиторы задавали вопросы, пытаясь понять суть заказа, который Щербаков сформулировал достаточно обобщенно: «Гимн должен отразить следующие темы: 1. Победа рабочего класса в нашей стране и торжество власти трудящихся. 2. Братство и дружба победивших в борьбе народов Советского Союза. О партии упоминать не следует, так как гимн является всенародным, национально-беспартийным. Гимн должен быть немногословен, не более четырех куплетов, но сильным и выразительным по своему содержанию» [10, с. 243].

Однако поэты и композиторы просили детальных уточнений: нужно ли отразить в тексте Гимна тему войны? Нужно ли указывать в гимне слова «Ленин» и «Сталин»? Следует ли в Гимн вводить понятие о Союзе Советских Социалистических Республик? Дуна-

евский задал вопрос о характере музыки: «По ритму гимны есть церковно-тяжеловесные (царский гимн), героически-торжественные (Марсельеза), легкие (бельгийский гимн). Какой ритм будет подходить к создаваемому гимну?» [там же, с. 245–246].

В конкурс включились более сорока поэтов и сто шестьдесят пять композиторов. Прослушивания проходили в Бетховенском зале Большого театра. Судя по имеющимся документам, Храпченко присутствовал практически на всех прослушиваниях и обсуждениях. На председателя ВКДИ была возложена обязанность отвечать за сроки работы поэтов и композиторов; кроме того, Храпченко отвечал за организацию прослушиваний. После утверждения Гимна он обязан был в месячный срок обеспечить его перевод на языки народов СССР.

Однако этим не ограничивалось участие Храпченко. В секретариат ВКДИ поступали предложения от поэтов и композиторов: многие руководитель просматривал лично, а в некоторых случаях вступал с авторами в переписку. Например, поэт М. В. Исаковский советовался с Храпченко по всем вариантам своего текста. М. А. Мендельсон-Прокофьева неоднократно делала записи в своем дневнике: «11 октября. Сережа играл гимн Сурину и Храпченко. Им понравилось, но показалось сложно написанным. Храпченко попросил Сережу попробовать написать более задушевно»; «Сережа вечером сочинял новый вариант гимна. Мы попробовали спеть и показалось, что так вышло мелодичней, доступней для массового пения»; «13 октября. Новый вариант гимна понравился Храпченко и Сурину. Последний сказал, что музыка эта выделяется из всего слышанного им ранее. Говорят, хорошо написали Шапорин и Шостакович» [11].

Следует сказать, что работа не закончилась и после утверждения Гимна: даже после его публикации в Совнарком поступали письма «от трудящихся» с замечаниями и рекомендациями. В архивах содержатся материалы, поступившие от граждан в 1944 году³³. Предположительно, они направлялись также и в ВКДИ. Некоторые были учтены и вошли в окончательный вариант. Например, в «Справке по письмам, поступившим от нескольких авторов (приводятся фамилии)», было указано, что по их предложениям было заменено слово в следующем четверостишии:

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Нас от победы к победе ведет!

(У С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана в последней строке слово «Пусть».)

Заменили также строку «Мы к славе Отчизну свою поведем!» с неудачным глаголом будущего вре-

мени на «Мы к славе бессмертной Отчизну ведем!» (Один из авторов предложения пишет: «Разве наша Отчизна до этого времени не шла к славе и не продолжает к ней идти и в настоящее время?»)

Также авторы предлагали убрать запятые, печатать Гимн на обложках школьных тетрадей, а также заменить девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на «Славься, Отечество наше свободное!»³⁴

Приходили письма и резко критические, с тщательным разбором текста и музыки. Судя по корреспонденции, интерес к новому Гимну был огромным.

11 марта 1944 года Храпченко организовал прослушивание в Большом театре, где были представлены различные варианты оркестровки. Два варианта — в первоначальной и новой редакции Гимн был исполнен симфоническим оркестром Большого театра (дирижировал А.Ш. Мелик-Пашаев). Хоровое и оркестровое исполнение представил Краснознаменный Ансамбль Красноармейской песни под управлением А.В.Александрова, духовое — оркестр Наркомата обороны под управлением генерал-майора С.А.Чернецкого. После прослушивания встал вопрос об улучшении оркестровки Гимна. Выбор пал на Д.Р.Рогаль-Левицкого — инструментоведа, знатока симфонического оркестра и блестящего мастера оркестровки.

В дневнике Храпченко приводятся некоторые характерные высказывания И.В.Сталина — именно его мнение, несмотря на возражения некоторых соратников, стало решающим в выборе музыки А.В.Александрова (как ранее текста С.В.Михалкова и Г.А.Эль-Регистана). Свои ожидания от Гимна вождь выразил так: «Каким должен быть гимн, государственный гимн? Это должна быть мощная, солидная, серьезная музыка. Гимн — это не элегия. И мелодия тут не должна особенно превалировать (выпирать). Вот музыка Оранского и Свешникова — хорошая музыка, но это не гимн. Это повествование. В ней много лирики, спокойствия (Ворошилов добавляет: “слащавости”). Кончается “баю-баюшки, баю”. А надо, чтобы была мощь, сила»³⁵ (запись от 17 октября 1943 года). После прослушивания гимнов других композиторов Сталин уже окончательно склонялся к варианту Гимна Александрова: «В гимне Александрова с начала до конца проведена одна линия. Он весь цельный. Он как крейсер идет вперед, разрезает волны. У Хачатуряна — Шостаковича нет этого. Они разукрасили гимн, а цельности нет. Александров сам не понимает, что он сделал, на каком клade он сидит» (запись от 15 декабря 1943 года)³⁶.

Окончательное прослушивание Гимна состоялось 30 декабря, после чего Сталин подвел итог: «Я думаю, что через посредство определенным образом организованных звуков, через музыку можно разговаривать, можно выразить мысли. В гимне Александрова выражена уверенность, непоколебимая уверенность

нашего народа в своей силе. Мы разошлись с композиторами в оценке музыки Александрова. Они считают, что мы неправильно поступили, когда выбрали его музыку. Мы считаем, что они не понимают, что требуется для гимна. Получилось (практически) трагическое противоречие. Как тут быть?

Кто-то из присутствующих сказал:

“Переживем это”.

Сталин: “Я думаю, что как-нибудь переживем”»³⁷.

Храпченко был снят с должности на волне антиформалистической кампании 1948 года. В последующие годы он трудился в Институте мировой литературы имени А.М.Горького, получив скромную должность старшего научного сотрудника. В год смерти Сталина (1953-м) он выпустил фундаментальную монографию о Н.В.Гоголе, затем — другие труды, впоследствии составившие «Собрание сочинений в четырех томах» (1980–1982). Стал академиком АН СССР, членом президиума ВАС.

Постепенно его деятельность в должности председателя ВКДИ оказалась почти забытой. Однако в постсоветских публикациях Храпченко вдруг стал упоминаться как герой разных забавных историй, иногда совершенно неправдоподобных, а нередко и противоречащих друг другу. Некоторые такие истории при ближайшем изучении оказались сильно искаженным пересказом воспоминаний самого Храпченко, которыми он, вероятно, делился со своими сослуживцами (например, с Ю.Б.Боревым, впоследствии написавшим книгу «Сталиниада: мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора»).

Пересказы рождали новые пересказы, еще более отдаленные от первоисточника. Для настоящего же Храпченко — того, кто принял на себя ответственность за искусство и его людей в суровый военный период, — мало у кого нашлось доброе и благодарное слово. И все же именно эти немногие запечатали облик того человека, каким был молодой председатель ВКДИ в дни войны. В немногочисленных мемуарных источниках можно найти упоминания и о том, как он организовал эвакуацию, не позволив потерять ни единого экспоната из бесчисленных коллекций художественных музеев и галерей. И о том, какую поддержку он оказывал деятелям искусства в годы военных лишений. И как искал любую возможность, чтобы отправить витамины в голодающий Ленинград. «Двадцать банок витамина С в сиропе из инверсированного сахара, пятьсот тюбиков витамина С с глюкозой!» — много лет спустя вспоминали благодарные сотрудники Эрмитажа о спасительной посылке...

Стремление восстановить историческую правду стало одной из побудительных причин монографи-

ческого исследования о деятельности ВКДИ, в процессе которого был обнаружен огромный массив материалов и документов военного времени. Далеко не все они изучены и введены в научный оборот, а, значит, история художественной жизни страны ждет новых исследований.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 13.10.2025.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 13.10.2025.

Примечания

¹ Стенограммы Пленума Комитета. РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 6; Стенограмма пленума по Сталинским премиям. Секция музыки. РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 16; Сессия по выдвижению кандидатур 1945 года. 1 апреля 1946 года. РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 17.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 2423.

³ Переписка со Всесоюзным гастрольно-концертным объединением по вопросу художественного обслуживания частей Красной Армии. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Ед. хр. 1060; Храпченко М. Советское искусство в Отечественной войне. Доклад на общем собрании работников искусства г. Куйбышева. Стенограмма. РГАЛИ. Ф. 2894. Оп. 1. Ед. хр. 8. 18 л.

⁴ Совет по эвакуации при Совнаркомом Союза ССР. Дело № 038–204п1. Об эвакуации предприятий Комитета по делам искусств. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6822. Оп. 1. Дело 343.

⁵ Переписка по общим и организационным вопросам Комитета по делам искусств. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 242Д. Л. 142–143. См. также: Сурин В. Н. Музыкальное искусство Средней Азии // Литература и искусство. 6 мая 1944 года. С. 2; Сурин В. Н. Музыкальные коллективы Средней Азии // Литература и искусство. 12 августа 1944 года. С. 4.

⁶ Программы декады советской музыки республик Средней Азии (Киргизия, Таджикистан и др.). РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 5. Ед. хр. 608; Стенограммы заседаний Кабинета по обсуждению докладов С. И. Корева и Питиной «О двух декадах музыкального искусства Средней Азии». РГАЛИ. 17 октября 1944. РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 17. Ед. хр. 109; Иконников А. А. Итоги декады. советской музыки республик Закавказья (не опубликована). РГАЛИ. Ф. 654. Оп. 4. Ед. хр. 825. О предпосылках открытия Казанской консерватории см.: «Нам нельзя отставать ни в какой области». Из книги «Письма Н. Г. Жиганова жене С. А. Жигановой в период с 1938 по 1944 год» // Казанская консерватория, 70 лет назад. URL: <https://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/retrospektiva/15802-kazanskaya-konservatoriya-75-let-nazad> (дата обращения 17.09.2023). Также подтвержден факт, свидетельствующий о том, что Храпченко был инициатором создания Государственного хора русской народной песни под управлением А. В. Свешникова (январь 1942) [3, с. 608].

⁷ Справка по письмам, поступившим в Совнарком СССР. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 2423. См. также: [2, с. 232].

⁸ В указанный период произошло временное слияние «Литературной газеты» и «Советского искусства»: объединенное издание выходило под названием «Литература и искусство».

⁹ Среди такого рода изданий выделим следующие: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. (Серия «Россия. XX век. Документы»). М.: МФД, 1999; «Мы предчувствовали польуханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. Т. 2, книга 1 / рук. колл. Т. М. Горяева, сост. В. А. Антипина, З. К. Водопьянова (отв. сост.), Т. В. Домрачева. М.: РОССПЭН, 2015; Музы в шинелях: Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006; Сидоров Н., Тополянский В. Гимноскомония: документальная хроника военного времени // Континент. 2007. № 4 (134). С. 236–290; Театры Москвы в годы Великой Отечественной войны: Архивные документы и материалы / Главархив Москвы, ГБУ «ЦГА Москвы». М., 2019 и др.

¹⁰ Создание военного репертуара. В Комитете по делам искусств при СНК СССР // Советское искусство. 29 июня 1941. С. 4.

¹¹ Шварц Я. Источник творческого вдохновения // Советское искусство. 29 июня 1941. С. 2.

¹² Издание массовых военных песен // Советское искусство. 29 июня 1941. С. 4.

¹³ Телефограмма председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР М. Б. Храпченко директорам всех театров г. Москвы с просьбой представить списки артистов для комплектования концертных бригад к 10.00 24 июня 1941 г. РГАЛИ. Ф. 962. Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР. Оп. 3. Ед. хр. 951. Л. 12.

¹⁴ Письмо КПДИ с обращением к работникам советских театров о сборе денежных средств на строительство эскадрильи «Советский артист». Ноябрь 1941 г. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 951. Л. 1–1 об., 11.

¹⁵ В фонд обороны // Литература и искусство. 24 апреля 1943 года. С. 1.

¹⁶ Асафьев Борис Владимирович. Записи, сделанные на конкурсе на лучшую массовую песню и марш, проведенном в Ленинграде. РГАЛИ. Ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 346.

¹⁷ На основе доклада в журнале «Советская музыка» опубликована статья, материалы которой позволяют воссоздать хронику работы Асафьева вплоть до того времени, как он по льду Ладожского озера был вывезен из Ленинграда. См.: Асафьев Б. В. Моя творческая работа в Ленинграде в первые годы Великой Отечественной войны // Советская музыка. 1946. № 10. С. 90–96.

¹⁸ Совещание по вопросу о песне к 25-летию комсомола. 21 августа 1943. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 749.

¹⁹ Стенограмма творческого совещания на тему «Песня в дни Отечественной войны». РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 681. Л. 5.

²⁰ Стенограмма творческого совещания... Указ. соч. Л. 30–31.

²¹ Музы в шинелях: Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания. М.: РОССПЭН, 2006. С. 21.

²² Стенограмма творческого совещания... Указ. соч. Л. 35–39.

²³ Сталинская премия была учреждена 20 декабря 1939 года.

²⁴ Стенограммы Пленума Комитета за 16 сентября, 11, 13, 18, 21, 24, 26 ноября и 24 декабря 1940 года. РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 38.

²⁵ Там же. Л. 156. По той же причине в 1946 году Храпченко предложил обсудить выдвижение Л. О. Утесова, Л. А. Русланову, А. А. Редель и М. М. Хрусталева — в годы войны эти артисты, выступавшие в составе фронтовых концертных бригад, пользовались колоссальным авторитетом. См.: Стенограммы Пленума Комитета за 11. III; 1, 3, 5, 6, 7, 11, 13, 14 и 18. IV-1946 г. РГАЛИ. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 229–230.

²⁶ Певец, рассказчик (певец говорком).

²⁷ Стенограмма пленума по Сталинским премиям. Секция музыки. РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 225–229.

²⁸ «Советское искусство в Отечественной войне». Доклад на общем собрании работников искусства г. Куйбышева. Стенограмма. РГАЛИ. Ф. 2894. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 9.

²⁹ Заседание Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. 19/II. 1942. РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 44.

³⁰ Заседание Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 5, 6.

³¹ Там же. Л. 10, 11.

³² «Гимн партии большевиков перерастает у нас в государственный»: Документы российских архивов об истории Государственного гимна СССР. 1943–1946 гг. / публикация Н. А. Сидорова // Россия. XX век: Электронный альманах. 2007. [http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-](http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/66230)

[intro/66230](http://www.alexanderyakovlev.org/almanah-intro/66230); Музыка вместо сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 / Составитель Л. В. Максимова. М.: МФД, 2013; Перхин В. В. «Сплотила Великая Русь...»: Из истории подготовки и восприятия государственного гимна (июнь 1943 — апрель 1944) // Stephanos. 2019. № 4(36); Сидоров Н. А., Тополянский В. Д. Гимнокосмогония: документальная хроника военного времени // Континент. 2007. № 4 (134); Соболева Н. А. Создание государственных гимнов Российской империи и Советского Союза // Вопросы истории. 2005. № 2 и др.

³³ Справка по письмам, поступившим в Совнарком СССР. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 2423.

³⁴ Там же. Л. 1–2.

³⁵ Из дневника М. Б. Храпченко. Архив семьи Храпченко. Опубликовано: [1].

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

Список источников

1. Всесоюзный комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. 1941–1945 / Т. И. Науменко (пред. авт. коллектива) и др. М.: ИстЛит, 2025. 570 с.
2. Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1938–1945 гг.): Сб. док. / Ин-т истории Сиб. отд-ния РАН, Гос. арх. Новосиб. обл., Гос. арх. Томск. обл., Центр документации новейшей истории Томск. обл., Науч. арх. Сиб. отд-ния РАН; отв. ред. С. А. Красильников, О. К. Кавцевич. Новосибирск: Сибирский успех, 2013. 390 с.
3. Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств: апрель 1939 — январь 1948: свод писем / изд. подгот. В. В. Перхин. М.: Наука, 2007. 790 с.
4. Балашов Н. И., Караулов Ю. Н. Путь русского филолога в XX веке // Вестник Российской академии наук. Том 75. № 12. 2005. С. 1123–1131.
5. Скороходов Г. А. Искусство в годы войны // Гаспарян А. С. Неизвестные страницы Великой Отечественной войны. М: Вече, 2012. URL: <https://www.maxima-library.com/component/maxlib/b/212340?format=read> (дата обращения 28.06.2023).
6. Шабалина Л. К. Музыкальная жизнь столицы Урала в годы Великой Отечественной войны (книга I) // Слово о музыке. 2020. № 1(6). С. 7–41.
7. Данько Л. Г. Письма Б. В. Асафьева и А. В. Оссовского из фонда А. Н. Дмитриева // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Выпуск 2: 1940-е — 1960-е годы / Российский институт истории искусств; ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб. ИД «Петрополис», 2018. 284 с.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 томах. Т. 10. Государство. Общество. Война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
9. Петухова С. А. «Война и мир»: этапы биографии // Современные проблемы музыковедения / Contemporary Musicology. 2021. № 2. С. 145–219. DOI: 10.56620/2587-9731-2021-2-145-219
10. Сидоров Н. А., Тополянский В. Д. Гимнокосмогония: документальная хроника военного времени // Континент. 2007. № 4 (134). С. 236–290.
11. Менделсон-Прокофьева М. А. О Сергее Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания. Дневники (1938–1967) / науч. ред., предисл. и коммент. Е. В. Кривцова. М.: Композитор, 2012. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/616> (дата обращения 11.08.2023).

Информация об авторе

Науменко Т. И. — доктор искусствоведения, проректор по научной работе, заведующая кафедрой теории музыки, профессор

References

1. Naumenko, T. I. (2025), *Vsesoyuznyj komitet po delam iskusstv pri Sovete narodnykh komissarov SSSR. 1941–1945* [All-Union Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR. 1941–1945], IstLit, Moscow, Russia.
2. Krasilnikov, S. A., and Kavtsevich, O. K. (2013), *Vlast' i intelligenciya v sibirskoj provincii (1938–1945 gg.)*: sb.doc. [Power and intelligentsia in the Siberian province (1938–1945): Sat. doc.], Sibirskij uspek, Novosibirsk, Russia.
3. Perkhin, V. V. (2007), *Deyateli russkogo iskusstva i M. B. Khrapchenko, predsedatel' Vsesoiuznogo komiteta po delam iskusstv: aprel' 1939 — yanvar' 1948* [Russian Arts Affairs and the President of the All-Union Committee on Arts Affairs, April 1939 — January 1948, M. B. Khrapchenko], Nauka, Moscow, Russia.
4. Balashov, N. I., and Karaulov, Yu. N. (2005), "The path of the Russian philologist in the 20th century", *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], Vol. 75. no. 12, pp. 1123–1131.
5. Skorohodov, G. A. (2012), "Art during the war", *Neizvestnye stranicy Velikoj Otechestvennoj vojny* [Unknown pages of the Great Patriotic War], Gasparyan, A. S. (author-compiler), Veche, Moscow, Russia, available at: maxima.library.com/component/maxlib/b/212340?format=read (accessed 28 June 2023).
6. Shabalina, L. K. (2020), "Musical life of the capital of the Urals during the Great Patriotic War" (Book I), *Slovo o muzyke* [A word about music], no. 1(6), pp. 7–41.
7. Dan'ko, L. G. (2018), "Letters of B. V. Asafiev and A. V. Ossovsky from the A. N. Dmitriev collection", *Novye dokumenty po istorii iskusstvoznaniya: XX vek* [New documents on the history of art history: 20th century. Issue 2: 1940s — 1960s], Zh. V. Knyazeva (ed.), Russian Institute of Art History, Petropolis Publishing House, St. Petersburg, Russia.
8. *The Great Patriotic War of 1941–1945* (2014), in 12 volumes, vol. 10. State. Society. War, Kuchkovo Pole, Moscow, Russia.
9. Petukhova, S. A. (2021), "War and Peace": stages of biography, *Modern problems of musicology* [Contemporary Musicology], no. 2, pp. 145–219. DOI: 10.56620/2587–9731–2021–2–145–219.
10. Sidorov, N. A. and Topolyansky, V. D. (2007), "Gymnocosmogony: documentary chronicle of wartime", *Continent*, no. 4 (134), pp. 236–290.
11. Mendelssohn-Prokofieva M. A. (2012), *O Sergee Sergeeviche Prokof'ev. Vospominaniya. Dnevnik (1938–1967)*, [About Sergei Sergeyevich Prokofiev. Memories. Diaries (1938–1967)], E. V. Krivtsova (scientific. ed., preface and commentary), Composer, Moscow, Russia, available at: <https://corpus.prozhito.org/person/616> (accessed 11 August 2023).

Information about the author

Naumenko T. I. — Doctor of Art History, Vice-Rector for Research, Head of the Department of Music Theory, Professor